

18+

Андрей Соловьёв

*Как мы
ездили
в Одессу*

Андрей Соловьёв
Как мы ездили в Одессу

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70935181
ISBN 9785006429901*

Аннотация

Несколько эпизодов из жизни автора. 1979 год, СССР, 9-летний мальчишка провинциального городка, фантазёр и выдумщик, отправляется в город своей мечты.

Содержание

Глава 1. Крепкая память	5
Глава 2. Смерть, дракон и зелёные человечки.	16
Начало	
Глава 3. Тактика и стратегия	32
Глава 4. Мировая скорбь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Как мы ездили в Одессу

Андрей Соловьёв

© Андрей Соловьёв, 2024

ISBN 978-5-0064-2990-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Крепкая память

Вообще-то память у меня крепкая, даже очень. Если что запомнить – пожалуйста. С одним мальчиком мы поспорили, что вот через год он к бабушке в Большой Камень придет, и я всё вспомню. Даже слово загадали, вместо пароля: «велосипед». Через год он забыл, даже меня – пришлось заново знакомиться. А я этот «велосипед» – хоть днём хоть ночью. Иногда, даже страшно становится, а вдруг у меня голова кончится. Это же кошмар, сколько там ненужного мусора валяется, типа этого «велосипеда» Но пока ничего, порядок, папа говорит надо информацию накапливать – в жизни пригодится.

А тут – мама сказала, что на будущий год мы едем в Одессу. Я очень возбудился, во-первых, это город, куда мама уезжала меня рожать, соответственно, там – Родина. Всякие песенки, в которых «картинки в букваре» и «хорошие и добрые товарищи» меня не убеждали. В смысле, я согласен, что это тоже не плохо, это вообще – даже хорошо, только, причём тут Родина?

Во-вторых, там, оказывается, живут мои собственные родные дедушки и бабушки в количестве двух штук с каждой стороны, собственный двоюродный брат – Руслан, всякие дяди и тётки, короче – полгорода родственников. И, в-третьих – главное – это же город! За семь вполне сознатель-

ных лет, я ничего крупнее нашего посёлка не видел. Конечно, и тут есть на что подивиться. Один район, отстроенный пленными японцами, чего стоит, там «сталинки» есть, говорят. Даже чердаки с круглыми окошками! Я всё время на них оглядывался, когда мы с мамой летом на «дикий пляж» шли. а вдруг там – Карлсон! А тут – город!

Папа мне всё время из командировок разные открыточные наборы привозил. Я тут же вытащил с надписью «Одесса – город герой» и всё тщательно пересмотрел. На всякий случай даже названия улиц прочитал. А что? Спросят меня, на площади у вокзала: «Откуда ты мальчик?» – я им сразу: «С Суворова!» – или: «С Дерибасовской!» – сразу зауважают! А песня «Шаланды полные кефали в Одессу Костя привозил» – папа всё время на праздниках поёт – это же, ну, как гимн Советского Союза, только про меня.

Я представлял себе Костю в заломленной кепке, сапогах, в свободной рубаше с засученными рукавами с кнутом, как у Леонида Утёсова в кино. Правда с шаландами и кефалью я просчитался. Я-то думал это коровы такие и вымя у них торчит до самой земли, а оказалось, что – это лодки с рыбой. Зато биндюжники в моём воображении были – высший класс: в кожаных куртках с пистолетами – крепкозубые рабочие, вечером пьют напитки в кафе, а тут – Костя! Они тут же принимаются гасить папиросы в салатах, радостно кидаются навстречу, хлопают его по плечу, мол, не дрейфь, браток, сейчас на бульвары пойдём, погуляем! Класс!

На следующий день, сообщил Ржавому: «Мы в Одессу едем!» Но Рома отнёсся к этой новости вяловато, сказал, что у него дядя в Германии живёт и ещё неизвестно, что лучше. Ну и пусть в Германии! Что там, в Германии? – одни фашисты недобитые. Ещё – где та Германия? А тут – Одесса, город моей колыбели, по улицам которого меня носили на руках, короче – не понял он ничего. Тогда я решил, что у меня будет тайна. Пускай тут все живут и не знают, а я летом сгоняю в Одессу, сразу, небось, поймут, кто тут главный! Пока буду информацию накапливать, как папа советовал.

На следующий день я пристал к маме, после работы: «Расскажи про Одессу!» Мама улыбнулась: «Что рассказывать? Летом поедem, сам всё увидишь!» Да как она не поймёт, у меня же – память, мне же приготовиться надо! Чужой город всё-таки, люди смотрят!

– Ты мне про своё детство расскажи. Где жила? Какие у тебя друзья были? Гулять вы куда ходили? Мне же всё интересно!

– Жила я сынок, на Пересыпи. Это район такой, на улице Богатого, там во дворе и гуляли. Дворы на Пересыпи закрытые, все квартиры внутри. Из двора выходить не разрешалось, после войны много шантрапы по улицам шастало. Одна стена двора у нас была общая с шоколадной фабрикой, а из нашей квартиры на первом этаже можно было пройти на соседнюю улицу, прямо на базар, туда моя мама уходила.

– У вас, что в квартиру два входа было?

– Два. Бабушка твоя, после войны директором базара работала.

– А друзья у тебя были?

– Были – все кто во дворе рос, те и были.

– А сейчас они где?

– Это тебе, сынок, рано знать. Кто спился, кто – застрелился, кто до сих пор туалеты в Магадане строит.

Про Магадан я не понял. В семь лет я уже знал, что это город на севере, только зачем там так долго туалеты мастерить? Мама вон уже как подросла – 34 года, а если с детства туалеты начать строить, это же, сколько нагородить можно! Что за город такой? Может там люди особенные, больные и им много туалетов положено. Про себя решил, что в Магадан не поеду, так, на всякий случай.

– Мам, а что за бульвар в Одессе, французский и фонтан, который из песни «цветочками покрылся»?

– А вот поедem и посмотришь. Бульвар весь в каштанах, каштан по весне цветёт – красиво и пахнет, и фонтан там есть, и памятник Дюку Ришелье.

– Ришелье, который из «Трёх мушкетёров»?

– Откуда ты про «Трёх мушкетёров» знаешь?

– В воскресенье серию показывали. Вы с папой меня спать уложили, а я одеялом замотался и в щёлочку подглядывал. Да и пацаны на улице рассказывали.

Почему-то маму заинтересовал факт моего подглядывания в щель.

– Долго в щёлочку подсматривал?

– А как же, до самого конца!

– А потом?

– Чего потом? Потом спать пошёл. Фильм-то кончился.

– Это ты, сынок правильно сделал. В следующий раз в щёлочку не гляди, просто постучи. А хочешь, я тебе книгу принесу из заводской библиотеки?

– Конечно, что за вопрос! А Ришелье?

– Что Ришелье?

– Ну, тот или не тот?

– Он, кажется тому – родственник был. Это тебе папа лучше расскажет.

«Папа расскажет» – всегда так. Папа сейчас придёт, руки помое и есть сядет. А потом достанет газету и всё – пропал мужик, как говорит наш управдом тётя Ася: «некондиционный товар». Но нет, этого я не позволю, надо его газеты спрятать! Вопрос – куда? Я поискал местечко понадёжнее, вроде катакомб в Одессе. Так! – в коридор на полку с обувью – найдёт сразу, в кладовку – не далеко, да там и так старые газеты лежат, слишком просто. Зашёл в ванную, и сразу место нашлось: в стиральную машинку, бельишком прикрыть – ни за что не догадается, тем более, что стиркой у нас исключительно мама занимается, по выходным.

Через полчаса пришёл папа. Я его сразу в оборот: «Расскажи про детство!»

– Сейчас, только руки помою!

– Ты руки помоешь, сразу есть сядешь. А за едой, – какой разговор? «Когда я ем – я глух и нем!»

– Правильно, вот поем и расскажу.

– Ладно, – а про себя как бы руки потираю: «Куда ты без газет денешься!» Папа поел, поцеловал маму – это у него привычка такая, после еды маму целовать, на закуску что ли?

– Люся, ты моих газет не видела?

– В коридоре на полке лежат.

(Как же – в коридоре! Я их давно, для разговора, перепрыгал.)

– Папа, что твои газеты? Ты мне лучше про детство расскажи, как в Одессе жил, где гулял?

– А кто тебе сказал, что я в Одессе в детстве жил?

Вот тебе и раз! Как же так? Значит папа не из Одессы? Мама говорила, что у меня оба родителя одесситы.

– Я, сынок, всё детство в деревне под Одессой провёл, у своей бабушки. Мама моя, твоя бабушка Маша, та в Одессе жила, поваром на аэродроме работала. Я к ней после школы только и приехал.

Вот тебе и – на! Значит, тут информации не будет.

– Так ты в Одессе не долго жил?

– Почему не долго? До армии, потом в институте учился. С мамой твоей там познакомились и поженились. Люся, нет на полке газет! – это он маме на кухню – мама мыла посуду.

– Куда они оттуда деться могли? Глаза разуй!

– Да нет, я тебе говорю! – папа обстоятельно перерыл ве-

щи в коридоре, заглянул на обувную полочку – нет газет!

Мама вышла в коридор, вытирая руки о передник.

– Тут они, сама клала.

Всё это время я толкся у них под ногами, изображая деятельность. Мама не стала долго искать.

– Вечно ты со своими газетами. Он, сынок, и на свидание с газетами приходил. Сядет в парке на лавочку и читает. Я, как-то раз, два часа у ларька стояла, всё ждала, когда же у него газеты кончатся.

– Так долго? – удивился я – Тогда, зачем замуж выходила, если он всё время из-за газет тебя не видел?

– Из-за газет и вышла, подумала «умный» – надо брать, пока другие не увели.

Тут папа подобрел и маму обнял. Я понял – не будет мне просветительных рассказов, лучше самому выискивать. Пошёл в другую комнату и завалился на диван мечтать, глядя на открытки. Про себя решил, надо о дедушках и бабушках порасспрашивать. Это же в конце-концов возмутительно: человек до семи лет дожил, а бабушек в глаза не видел. Младенчество не в счёт! Фотография в альбоме хранится. Я там совсем маленький с голой попой лежу, на кровати, возле коврика с оленями. Прямо – бесстыдство, какое-то! С этим и спать лёг. Завтра суббота, а мы в первом классе по субботам только до обеда учимся. Может ещё с последнего урока отпустят. По дороге домой на горке покатаюсь! Уроки-то учить не надо до самого воскресенья! Красота!

Утречком мама меня разбудила, быстро засунула мне в рот бутерброд с сыром и выпихнула за дверь. Это чтобы поспать ещё часок. Я понимаю, да тут чего долго разговаривать? Всё равно после второго урока – завтрак в столовой. Лучше поспешить. Минут двадцать ещё есть, можно в коридоре поноситься. Рванул через три ступеньки на крыльцо.

Утром всегда немного арбузом пахнет, хоть и зима. До школы метров триста по дорожке, а через стадион и того меньше. Сегодня по дорожке лучше. Вчера «коробку» возле гаражей заливали, она как раз по дороге в школу, на лестницу воды налили. Днём засыпят её песком, а пока скользит – здорово! С размаху по скользким ступенькам – я свалился пару раз. На четвереньках наверх выполз – смешно. Все идут и поскользываются. Вместо уроков бы тут побыть, но нельзя. Надо ещё переобуваться на входе в сменную обувь. Там старшеклассники стоят здоровенные, как тролли – дежурные с повязками. Если не переобуешься, нипочём в класс не пускают. Я как-то раз «сменку» забыл, так и стоял полпервого урока, пока завуч не пришла. Меня домой за «сменкой» послали, а я как раз ключ не взял – зря бегал. Но потом всё равно пустили, только в дневнике написали красной пастой. Вот позорище! На всю жизнь – урок! Так что опаздывать нельзя, а то мало ли что?

Занятия пролетели быстро. С третьего не отпустили, но всё равно я немножко на горке покатался, так – пару раз на портфеле съехал и домой побежал. Проголодался, навер-

ное, да и про бабушек надо было спросить. На пятый этаж взлетел, только два пролёта последних долго поднимался. Это не потому, что я не могу быстро. Я, если надо, через три ступеньки уже ногами могу, просто папа сказал, что если один пролёт на левой ноге, а другой на правой проскакать, то через полгода на полметра выше прыгать будешь. Вот я и скачу – тренируюсь к лету. В дверь покорябался – варежки застыли после горки – мама сразу открыла. Я как на неё глянул, так и понял – беда!

– Вот он, пришёл!

– Пришёл? Ну, давай его сюда! – папа лежал в комнате на диване. Я ни чего не понимал, на всякий случай перебирал в голове день – нет, ни чего такого не было, но уж больно у папы тон был грозный.

– Вот, полюбуйся – сказала мама и показывает мне папину белую рубаху. Гляжу, а она не белая, на ней красиво так, квадратиками разные чёрточки разрисованы.

– Ты вчера газеты в стиральную машину положил? Теперь наш папа всё заводууправление новостями просвещать будет.

Папа поднялся с дивана и уже шёл в коридор. А вид такой, что хоть обратно в школу беги.

– Как я в понедельник на работу в такой стенгазете покажусь?

Обидно мне стало и себя жалко, что вот сейчас всыплют. Конечно, виноват, но это же – случайно. Я почувствовал,

как у меня в носу защипало – точно, сейчас зареву. Реветь я не люблю, от этого ещё хуже, а сделать ни чего не могу, слёзы так и катятся.

– Я про Одессу хотел поговорить, а ты всегда с газетами сидишь. Вот я их в машинку и положил. А потом вынуть забыл.

Не знаю, что произошло. Мама с папой, как-то переглянулись, только чувствую – гроза стороной проходит. Это по папе всегда очень заметно. Он когда ругается, всегда как-то насквозь смотрит и глаза становятся такие синие-синие, а тут он на маму глядит.

– Вот, Саша – сказала мама – ребёнком надо чаще заниматься. Взял бы да рассказал.

Папа как-то попереминался с ноги на ногу. Потом почесал в затылке.

– Про Одессу, ну ладно. Мой руки, после еды расскажу.

И в самом деле, после обеда мы с папой долго разговаривали про всякие дома и театры, про Михаила Водяного – самого знаменитого на свете артиста, про парк Шевченко и порт, всякие пляжи и мальчишеские подворотни, так, что я как бы даже почувствовал себя там, в Одессе.

– А ты меня вездеводишь? – я уже собирал открытки. Дверь комнаты отворилась, зашла мама.

– Сводит он тебя, да и меня тоже. Только дай нам слово, что ты газет прятать больше не будешь и вообще постарайся себя порядочно вести. А то привезём бабушкам вну-

ка, а он им, чего доброго дом спалит.

– Не спалю, мама, я же просто вытащить забыл. Но вообще-то у меня память – крепкая!

Глава 2. Смерть, дракон и зелёные человечки. Начало

Мы палили костёр за домом. Там к концу мая такая трава выросла, хоть в полный рост ходи. Вот мы себе местечко вытоптали в траве и туда всяких досок натащили, чтобы палить. Витька Копейкин спички достал, сложили домиком и бумажку сунули. Всё чин чином, как миленькое загорелось! Часа за два доски кончились. Мы уже так сидели – в сумерках, когда Санька-тумба новости приволок: сосед из пятого подъезда скончался! – Как это, скончался? – не понял я – умер, что ли? – Конечно, умер! А я что говорю, – Сашка возбуждённо пыхтел. – Наша тётя Маша у него раз в неделю полы мыла, а тут, говорит, что вчера к нему баба какая-то зашла вечером, а назад не вышла. – И что? – Андрюшка Носов сделал круглые глаза. Это смешно очень, когда он так удивляется, потому, что Андрюшка худой и смуглый и уши у него оттопыренные, ещё даже больше чем у меня. – А то! Это смерть была!

Копейкин кинул зелёной травы в костёр. От этого пламя сразу пригасло и повалил жёлтый дым. Когда такой дым валит надо фигу ему показать – это фигура такая из трёх пальцев, – и сказать: «Дым-дым, я курей не воровал!» Все сразу стали показывать фигурами и бормотать. А я подошёл к Саш-

ке: – Ты, давай, не трепись! Смерть – штука серьёзная. – Да серьёзно я, послезавтра хоронить будут: гроб красный, оркестр – на кладбище повезут, а там всё – в яму и земелькой сверху! – А я что-то ему не верю, насчёт бабы – подал голос Женька Белый – Саня ещё та сорока! – Да, точно говорю. Моей маме на кухне тётя Маша рассказывала. А я только на минутку во двор сбежал, чтобы вам... Не хотите? – не верьте, – Сашка чуть не плакал. Мне стало его жалко. Тем более тема такая. Я и сам как-то раз смерть видел. Это зимой было. Я в комнате уже спать лёг, мама с папой на кухне разговаривали. Дело к новогодним каникулам шло. Мы с папой придумали костюм клеить, да и елку скоро принесут – всякие мысли. Спать совершенно не хотелось. Я тогда взял папин походный фонарик и решил «Три мушкетёра» почитать. Мама принесла из заводской библиотеки, как обещала. Я уже довольно много прочитал, только местами не очень понял, но это не важно. Я вообще почитать люблю, а уж такую книгу – килограммов десять будет – толстую! В общем, накрылся я одеяльцем, свечу фонариком, читаю. Как раз, только миледи в тюрьму заточили, как папа в комнату вошёл и по попе меня хлопнул. – Глаза решил испортить? – Нет, я только чуть-чуть. – Поздно уже, двенадцатый час! Завтра в школу. Конец четверти завалишь, и накрылась наша Одесса. Мама же тебе говорила!

Это точно, мама говорила, чтобы учился хорошо, потому что поездка, это как награда. Я сразу согласился, но не за-

снул, так только глаза прикрыл. Папа ушёл, а я лежал и представлял, как миледи из тюрьмы сбегать будет. Это же высоко очень, как с пятого этажа сигануть, и море внизу плещет, а в тумане корабль с дАртаньяном уплывает, и мачта гнётся и скрипит! Очень я этими мыслями увлёкся – сон совсем пропал. Тогда я встал, потихонечку и пошёл в окно поглядеть на узоры. У нас между рамами сквозняк и всё окно заледенело, только луну видно сверху. Кресло к подоконнику подтянул, полез форточку открывать. Мама всегда вечером проветривает, чтобы у ребёнка сон крепче был. И только я одну половинку открыл, как – глядь, а в окно с той стороны на меня миледи смотрит. Сердце так и застучало!

Я в креслице скатился, пониже. Слышу: стук-стук, по подоконнику, потом опять стук-стук и ветер воет. Подтянулся к краешку, стал щёлку выглядывать и вижу – тень по всему окну, как паук мечется. А полфорточки-то открыто! Понимаю, что надо маме с папой сказать, а ноги отнялись – не могу идти. Тогда я на коленках к кухне пополз. Просто ужас! Там в коридорчике – свет сразу силы придал, и я в кухню уже стоя пришёл. А мама весь мой ужас выслушала и сказала, чтобы я не выдумывал, а шел, и спать ложился и это ни какая не миледи, а бельё с соседнего балкона. Но я-то точно лицо видел и космы распущенные! Два месяца потом без света спать не мог. И теперь вот, Сашка рассказал про бабу, и я вспомнил – она – смерть! – А я Сашке – верю! – говорю – я и сам эту бабу видел, только не сейчас, а зимой. И всё па-

цанам рассказал. – Так это бельё и было! – засмеялся Витька. – Если бы бельё! Вон, погляди на наше окно. Ты там верёвки для белья видишь? А рядом балкон Ржавого, там тоже ничего! – Так это может сейчас ничего! – поддержал Витьку Жека – а зимой было! – Не было! Хочешь, Ржавого позовём? Ржавый врать не будет. – Не будет! Вы же друганы, сговорились, нам сейчас все уши лапшой завесите!

Что-то расшумелись наши парни. Хохочут над нами с Сашкой, пальцами тыкают. Ржавый пришёл, «про балкон» подтвердил и «про бельё», только пацаны не унялись. Может это со страху?

На улице уже почти совсем стемнело, костёр прогорел, а зола как звёздное небо, если палкой пошевелить. И тут меня такая творческая злость обуяла. Это папа так говорит, когда я привираю что-нибудь, что во мне творческой злости много. Взял да и брякнул: – А что вы думаете? На той неделе гроза была, помните? Мы с папой как раз утром на базар ходили, на край посёлка, а когда возвращались, я дракона видел. Смех сразу прекратился. – Какого дракона, динозавра? – Андрюшка Носов снова сделал «глаза». Вот чудо наивное! – Ну, да с крыльями, зелёного, какие ещё динозавры бывают? Он же – ящер! – И где ты его видел? – От завода пролетал на маяк в сторону кладбища. Там за магазином «Огонёк» след его есть – громадище! Уже, наверное, весь водой залило, тогда же дождь был! – Бреешь? – Зуб даю! Завтра сходим, сами увидите! – Забились! – Витька поднялся на ноги –

смотри, если навалял с три короба! – Сам смотри! – Вот завтра и посмотрим!

Костёр совсем погас. Расходились молча. Мы с Ржавым и Андрюшкой пошли в подъезд. Андрюшка тоже в нашем подъезде живёт, только мы на пятом, а он на третьем этаже. Шли, молча, и, только когда мы с Ромкой поднялись на нашу площадку, он меня схватил за пуговицу. – Зря ты про динозавра набрехал. Витька с Кремером дружит, а он-то точно не дурак, сразу про твой рассказ разчухает. – Ну и что? – Что, ты Крема не знаешь? Отвечать заставит, ты же на зуб «забожился». – А если я не врал? – Ага, так я и повёлся. Ты лучше завтра в школу не ходи. А ещё лучше – всю неделю из дома не показывайся. Через недельку позабудут, тогда... – Да ты, что – с ума сошёл? Конец года же! Как это не показывайся? – Ну, смотри, дело твоё, – Ромка плюнул в пролёт. Плевок пролетел все пять этажей и громко чвакнул на первом. Правильно Ромка сказал, Крем, в смысле – Мишка Кремер – он такой. Во-первых, старше на четыре года и уже курить может, во-вторых, он всей нашей компанией управляет, это его сегодня почему-то не было, а уж узнает – это точно! Витька Копейкин выше его на этаж живёт и всё ему рассказывает. Но показывать, что я струсил – стыдно. – Ты, что, испугался? Ладно, не бойся! Я завтра всё ребятам расскажу, просто Сашку жалко стало. Он же серьёзно про бабу, то есть про смерть говорил. – Ну, если завтра расскажешь, тогда может, пронесёт. Но я не рассказал, а наоборот

всё испортил!

Наступил следующий день и у меня просто из головы вылетело всё опасное и про дракона и про Крема. Ещё бы не вылететь, когда это последний учебный день – 25 мая! Суета и радость. Я хоть и предполагал, какие оценки у меня за год, но всё равно радостно и немножко завидно у кого пятёрок больше. У меня только две четвёрки выходило: по письму и по математике, остальные все – «отлично». Меня обозвали «хорошистом» и поставили на дневник звёздочку специальной печатью. А в конверте выдали письмо для мамы, ну, что, мол, очень хороший ученик ваш сынок – я такие письма знаю. Их обычно родителям на собраниях выдают, а тут в руки сунули, значит, что собраний в этом году больше не будет. Зато вот Олю Грекуль на доску почёта сфотографировали «Ими гордится школа». Ну и ладно! Ни капельки не жалко. Потом учебники сдавали в библиотеку и выдали новые «Математику» и «Родную речь». Я сразу «речь» пролистал. Ничего себе книжка и картинок много и рассказов, правда – стихи всякие. Я стихи не люблю и вообще не понимаю, как это в рифму говорить. Нет, я понимаю что рифма, это когда концы у слов совпадают, ну «палка-галка» например, я не понимаю – зачем! Надо тебе похвалить кого-нибудь, так и скажи: «Уважаю вас, Марья Фёдоровна, очень вы замечательный костюм в универмаге купили, дорогой, наверное, потратились. Голодать, поди, будете до зарплаты? Давно голодаете? Пойдёмте в кафе-мороженое, или вас супом лучше

угостить? Только у меня денежек нету...» Всё понятно и голову ломать не надо. А тут: «По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух, И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух...»

Сразу не по себе становится! Спрашивается, кому в такое место идти захочется, кроме алкоголиков? А потом: «И каждый вечер, в час назначенный

(Иль это только снится мне?), Девичий стан, шелками схваченный, В туманном движется окне...»

Красиво, конечно, но если в злачное место идёшь, как-то попроще наряжаться надо. «...И медленно, пройдя меж пьяными, Всегда без спутников, одна, Дыша духами и туманами...»

И так далее – мура в общем. Мало того, что кругом мрак и сплошное хулиганство, то пьяницы орут, то детишки хнычут, так ещё и не накормили. Не понимаю, взял бы да помог девушке!

Нет, математика – лучше, особенно задачи мне нравятся. Это как в кино про Жеглова, надо всё рассчитать, чтобы грузовик вычислить или про бассейны, мало ли где тонуть придётся! И счёт – важное дело, чтобы в магазине не обсчитали. Меня мама раз в магазин послала за молоком. А молоко у нас 1 рубль 8 копеек стоит за три литра, как раз – в бидончике столько. У неё ровно денег не было, дала три рубля. Если бы я таблицу умножения ещё в детском саду не выучил – точно бы обсчитали! Тётя за кассой, наверное, решила, что

раз мальчик маленький, то и дурак, и дала мне сдачи 1 рубль и копеек гору. Только я посчитал, сколько там и говорю: «Вы мне ещё 15 копеек должны», – а она: «Маленький ты мне ещё замечания делать!» Громадная такая тётя. Она и так в халате своём не помещалась, а когда я ей про сдачу сказал, вообще изо всех щелей попёрла, наверное, хотела меня напугать. Только я не напугался и всё равно возле кассы стоял. А тогда вся очередь ей и сказала, чтобы не обсчитывала. Пришла заведующая магазином. Говорит: «Будем кассу снимать», – это чтобы все деньги пересчитали. Посчитали быстренько и мне мои, то есть – мамины, 15 копеек вернули. Нет, математика – очень полезная штука! А если бы я там возле кассы стихи читать начал? Подумали бы – больной. Ну, вы понимаете – суэта, а ещё со второго урока прямо взяли, и домой отпустили! День выдался солнечный – жарко. Андрюшка Носов ко мне подбежал и говорит: – Айда за «Огонёк» в овраги полазим! Покажешь, где дракона след. Я, было, вспомнил, про Ромкины слова, но тут и Жека Белый и Сашка-тумба примчались. Оказывается, они вчера ещё полночи там за домом сидели и про мои выдумки разговаривали. Пришлось идти. По дороге в магазин зашли – повезло, как раз машина с хлебом разгружалась. Мы к водителю подошли и горяченького хлеба прямо с лотка купили. Стали корочками хрустеть, у меня вообще все опасности из головы выветрились. Это так всегда со мной, когда я булки ем или как тут – хлеб свежий. Наверное, на войне надо солдатами перед атакой свежие ба-

тоны выдавать, чтобы они про сражения не задумывались. Вот идём мы, я эту мысль развиваю. Вспомнили про торт «Наполеон». Сашка сразу говорит: – А всяким французским уланам, которые с «конскими хвостами» из Бородино такой давали?

Мы засмеялись. Правда – картина весёлая. А Жека добавил: – Потому мы им и всыпали там. Пока они свои французские булки жевали, наши казаки из них капусты настругали. Дошли до оврагов, а они длинные, с самой сопки тянутся, прямо от маяка на вершине. Я прикинул и говорю: – Так тут и приземлялся он – дракон. Глядите, как пропахал! Если спуститься, можно и следы поискать. Полезли мы в овраги и тут мне ещё лучше мысль в голову пришла. – А давайте от ларька стеклотары поддонов притащим и плоты сделаем. Чем по берегу обрыв обходить, лучше как морские пираты поплывём!

Побросали мы портфели в кустах, замаскировали слегка, чтобы не видать было и к ларьку. Он как раз закрыт был, а за ним, в углу – поддоны. Похватали, сколько могли, и приволокли к обрыву. Мы в Жекой сразу по два, Андрюшка с Саней по одному. Интересно, они думают: один поддон человека выдержит? Побросали поддоны с обрыва, Андрюшка и говорит: «А давайте их свяжем чем-нибудь, чтобы корабль длинный был!» Вот, гад! Сам не тащил, а идею козырную подкинул! Поискали вдоль дороги – проволоки нашли. Свяжали ящики, как смогли и стали на «корабль» карабкаться.

Тут уж не до зависти. Чуть не потонули! Ноги, конечно, сразу намочили. Потом догадались, что вёсел нет, пошли шесты из деревьев ломать. Нашли несколько досок. Пospорили чем лучше управлять – шестом или вёслами. Ни чего не реши-ли и в плавание отправились. Часа четыре мы в этой луже бултыхались. А потом пришли мальчики с улицы Гагарина, и давай нас комьями грязи обкидывать. Пришлось ответный бой дать. Но их больше было. К тому же они – на берегу, там грязи как... ну – вы понимаете. Еле на другой берег угреб-ли. Пока причаливали – они тут. Сгрудились, на берег выйти не дают. Главный у них – Сява, навроде Крема нашего. Гово-рит – вы наши плоты угнали! А мы – не угоняли же! В общем, пришлось отдать. Обидно! Но мы всё равно отыгрались. Как только они наш «корабль» от берега оттолкнули, мы их тоже грязью обкидали. Они за нами в погоню кинулись. Тут Же-ка кричит: «За мной, давай, на маяк. Там гаражи строятся – спрячемся!» Рванули, даже о портфелях забыли. Прибежали на маяк – точно стройка там, нырнули в котлован, за куча-ми песка затаились – не бегут. Оглядел я пацанов, а они все перепачканные, наверно я такой же. Говорю: «Давайте в по-рядок себя приводить». Мы прямо из школы в костюмчиках пошли. Они смотрят на меня, не знают чего делать. – Да про-сто высушиться надо. Грязь подсохнет, её ладонями потереть и отряхнуть, только и всего. Разделись до трусиков. Штаны и куртки разложили на блоках строительных. Сами сидим – загораем. Тут Андрюшка снова про дракона вспомнил. Да-

лась ему эта рептилия! – Ты следы-то так и не показал! – Да какие следы. Видел – «гагары» там, каждый день пасутся. Затоптали всё. – А почему дракон в овраг наступал? – Глупый? Куда же ему и наступать, как не в овраг? Он же – ящерица, хоть и летающая. А они вроде лягушек – воду любят. Помолчали. Только долго молчать не интересно. Стали ребята меня просить, чтобы я им про дракона ещё рассказал. А чего я расскажу? Я сам про них мало знаю. Поглядел вокруг: котлован весь из песка. Блоки строительные тут и там валяются, кладбище недалеко за горкой. Вот тут меня и понесло, на свою голову. – Тут, наверное, зелёных людей встретить можно. Ребята сразу заинтересовались. А я как внимание почувствовал – всё, уже не остановить. – Раньше, когда «зеки» наш завод для подводных лодок строили, случай был. Помните, ещё солдаты по всей округе с автоматами бегали – сбежал кто-то? Нас тогда гулять не пускали. Конечно, все помнили. Этот случай потом, где только не обсуждали. Сбежал кто-то из «зоновских». У нас по краям посёлка раньше много «зон» было. Это такие поселения с бараками, а вокруг – забор и колючая проволока. Их прямо колоннами на завод возили причалы строить и обратно в длинных таких грузовиках с собаками. «Старшаки» на районе к ним разное на чай менять бегали. Кинут пачку через забор, а «зеки» обратно брелоки из капельниц или нож с наборной ручкой – козырный считался. У кого такой нож – лучше не связываться. Вижу я – ребята во все глаза на меня смотрят и продолжаю.

А история прямо из ничего в голову лезет, как будто шепчет кто: – Так это, как раз, где-то здесь и было. «Зек» этот подземный ход прокопал, длиннющий. Только не рассчитал направление и у кладбища вылез. Ночь была, он в гроб головой уткнулся – доски, стал вылезать и дальше не смог. Солдаты с собаками его поймали. Прямо в яме с гробом окружили. Стоят, фонарями светят. Он обессиленный на дне, а на груди его зелёный камень на верёвке. Камень драгоценный был. Солдат, который его из ямы доставал камушек этот с шеи сорвал и себе в карман припрятал. – И, что не заметил ни кто? – Так темно же было. В суете заметишь разве?

Жека хлопнул Саню по затылку: «Не перебивай! А дальше что было?» – Солдата этого потом на Сахалин отправили. Пошёл он в караул, склады охранять. Утром приходят, а он – зелёный весь. Стали откачивать, расспросили. Вот он и рассказал, что к нему зелёные люди приходили, прямо из под земли. У них ходы под всеми странами прокопаны. А камень этот – их, он энергию даёт, и за него они чего хочешь, сделать могут. – Так чего он не попросил для себя? – Не знаю, может, не придумал, а может – ещё почему. Андрюшка заозирался. – А ход этот, который «зек» прокопал он тут ещё? – Скажешь – тут, да его сразу зарыли, чтобы за ним ещё кто-нибудь не сбежал. – А камень этот где? – Жека аж приподнялся весь. Мне бы остановиться, но уж больно понесло. – Его в наше заводоуправление привезли, чтобы на подводной лодке спрятать. Саня недоверчиво покачал головой: – Поче-

му на лодке? – Ну, ты тупой, ты чем слушаешь. Это же подземные люди, а не подводные. Камушек, где на поверхности не положи, они найдут, а воду не сунутся. Мне отец его показывал. Вот же – муха меня укусила! Ляпнуть такое! Конечно, ребята сразу и пристали. – Так ты пожелал что-нибудь? – Конечно, пожелал, что я дурачок такой шанс упускать?

И ведь в голове сразу мелькнуло, что станут следить теперь и чтобы обязательно исполнилось. А идей – нет! Тяну время. Повернулся к Сане: – А ты бы чего пожелал? – Ну, денег, конечно. Машину, там, купить или дачу. – Мопед лучше! – Жека разулыбался. Видно сразу представил себя на мопеде. – Скажи сразу – мотоцикл, чего мелочиться, или – самолёт! – Самолёт не хочу. А если бензин у него в полёте кончится, придётся сразу с парашютом прыгать, а я высоты боюсь. А ты Андрюшка чего молчишь, давай, желай!

Андрюшка тоже заулыбался. – Я бы таких камней сначала горсточку, чтобы желать побольше. – Дурак, они тебя за один-то удавят, а ты «горсточку». Тут ребята повернулись ко мне, чувствую – привет настаёт, сейчас колоть будут. И точно: – Ты сам что загадал? – Нипочём не угадаете! – Да ладно, колись. – Я загадал... – и тут как молния в мозгу сверкнула – в Одессу поехать! – В Одессу? Это что такое? – Эх, темнота! Это город такой, самый лучший на свете. И тут я им про Костю-рыбака рассказал и про улицы и про самое таинственное – катакомбы! – ...катакомбы, это ходы такие из ракушнякового камня. То есть, когда город строи-

ли, камень этот под городом ломали и сверху дома городили. Там я этим людям зелёным камень и верну. – Зачем возвращать? – Жека набычился – лучше ещё загадать. – Нет, тут всё «по честному» должно быть. Один камушек – одно желание. А-то будет, как с тем солдатом. – А поглядеть на него можно? – В том то и дело, что нельзя. Откуда я знаю, может, ты поглядишь, и своё желание загадаешь. Тогда моё – не сбудется. Солнце уже садилось в залив. Одежда просохла. Мы, как могли, потёрли высохшую грязь, похлопали ладошками – вроде ничего. В пыли, конечно, но не очень, по сравнению с тем, что было. Влезли на маяк. Не на сам, а на бетонную приступочку под ним, сам-то маяк закрыт. С него далеко видно, до самого залива. «Гагары» куда-то ушли. Мы спустились к оврагам. Плоты развязались и скучно плавали посреди болота. Доставать их не было ни какого настроения, да и домой пора. Портфелей наших ни кто не тронул. Наверное не нашли их враги. Быстренько побежали домой. У самого дома заметили «наших». Посередине возвышался Крем, он на голову выше всех. – Эй, сказочник, иди ка сюда!

Мы с Сашкой, Жекой и Андрюшкой сразу пошли к толпе. Крем ухмылялся. – Что ты вчера про ящеров болтал? – Не приставай, – Жека почему-то ни когда не боялся Мишку Кремера. Он вообще мало кого боялся. Не знаю, наверное – психика крепкая. – Не про ящеров, а про дракона, который как динозавр. Мы в овраги лазили. Там точно – следы, только их «гагары» затоптали. Можешь проверить. Все бе-

рега осмотрели с плотов. — Каких плотов? — Мишка не ожидал такого напора. — Таких! Мы из поддонов плоты сделали и с них смотрели. Потом «гагары» пришли, нас землёй обкидали. Их больше было, пришлось плоты бросить. А потом нам Андрюха (Андрюха — это я, значит) про зелёных людей рассказывал. Я как это услышал, прямо похолодел весь. Сейчас Крем про камень рассказ услышит — ребята донесут и всё, придётся «колоться» за всё разом. Вот ведь натура у меня неугомонная. Надо было так врать! Наверное, и по шее надают за трепотню — у нас с этим строго во дворе. Не можешь доказать — не трепись. Но Жека, наверное, сообразил, что беда будет, а может меня пожалел. Конечно, пришлось рассказывать, вот только про то, что я «желание загадал» не стал говорить, просто соврал, что камень в Москву повезли. — Складная история! — Крем достал сигаретку, теперь вертел её в пальцах — а откуда ты всё это знаешь? — Батя рассказал. — Да, ладно! Станет он такое рассказывать. Если в камне энергия такая волшебная, то это государственный секрет. За такой трёп и посадить могут. — Как сказать, вы же ни кому не разнесёте? — Это был тонкий расчет. Мишка, конечно, мог быть и подлым, но если он становился «главным», то можно рассчитывать, что история дальше не пойдёт. Так и вышло. — В общем, пацаны. Кто про этот камень скажет, тому всечём! Могила! Это не шутки, если, конечно Андрюха не врёт. — Он не врёт, — это Саня-тумба голос подал — проверяется легко. — Как проверяется? — Мишка недоверчиво

поглядел сначала на меня, потом на нашу компанию. — Он камень видел и желание загадал — продолжал сдавать меня Сашка — если не сбудется, то и выплывет всё. Вот же, бывают такие люди! Я так его вчера прикрывал изо всех сил. Проящерицу эту летающую навывдумывал, а он меня со всеми потрохами перед двором вывернул. — И чего он загадал? — Крем смотрел на меня в упор. — Он в Одессу хочет поехать — город такой с подземными катакомбами. Установилась такая тишина, что хоть провались. И пацаны как-то расступились. Крем подошёл ближе, почему-то подёргал меня за край куртки. — Ну, смотри, сказочник, если твоя Одесса с катакомбами не случится, мы тебе тут катакомбу организуем. Да! С меня, как будто штанга упала! Теперь я точно знал — сошлось! Можно смелеть. Мама обещала, на той неделе билеты покупать будем и год я хорошо закончил — вон в портфеле письмо, и... нечего меня тут за пиджак хватать! Я выдернул его из руки Крема. — Сбудется, можете не сомневаться! Кто сомневается тот в г... не валяется! Главное вы не проболтайтесь. Повернулся и пошёл домой. А чего ещё ждать? И вот ведь подлость — в груди прямо песни, как на баяне! Скоро в Одессу — со мной смерть, дракон и зелёные человечки!

Глава 3. Тактика и стратегия

Сколько себя помню, взрослых очень интересует вопрос: «Кем ты хочешь быть?» И в «Денискиных рассказах» есть и у Сотникова и у Носова, во многих книжках. Не буду вас мучить, я всегда хотел быть разведчиком, в смысле тем, кто в глубоком стане врага ловко прикидывается и выведывает секреты. Может – Штирлиц виноват, может герои революции – не знаю. Хотел и всё! Но просто так хотеть это же – абсурд, надо прямо сейчас тренироваться, с детства. Потом некогда будет! Про мою мечту только Ржавый знал, больше ни кто. Конечно, и взрослым я не сообщал. Хватит с них космонавта. К чему это я? К тому, что враньё моё, конечно, носило тренировочный характер. Нет, я понимал, что врать – не хорошо, но врать и обманывать для меня всегда были очень определёнными понятиями. Обмануть, значит – иметь выгоду в ущерб тому, кого обманываешь. Не пытайтесь пробовать – муки мученические! А вот придумать, чтобы и складно и красиво вышло – это ещё не всякий сумеет! Главное стратегию иметь или тактику, я ещё в этих понятиях не очень разбираюсь. Вечером, мне, конечно, влетело – за костюмчик. Мама, как увидела в каком я виде, так меня в ванную и загнала, прямо в штанах и пиджаке. Сказала, чтобы я тут раздевался и всё оставил как есть, чтобы папа полюбовался, какого он сына бабушкам везёт. Но я разведчески

сообразил взять с собой в ванну портфель и вместе с одеждой всё из него вынул. Штанишки с пиджаком и рубашечкой снял и в ванну положил, а книжки на стиральную машинку сверху и последними – дневник с печатью и конвертик с благодарностями. Потом руки в раковине помыл, в «домашнее» переоделся и на кухню пошёл. В это время папа из магазина прибыл. Мама, конечно, сразу же в коридоре ему и выложила (я подслушивал) мол, что перепачкался в глине, а одежда в ванной лежит. Папа в ванную заглянул любопытствовать и уж оттуда, с моими книжками и дневником, вышел на кухню. Ну как есть – тактика! – Гляди-ка, Люся, наш сын не только в спелеологии первый, – потом протянул маме конверт- тут и тебе послание имеется. Мама взяла конвертик и стала читать: – Сообщаем родителям, что ваш сын сегодня угнал трактор со стройки многоквартирного дома и перевернулся, потом сломал два электрических столба и сбил поезд. Какой «поезд»? Какой «трактор»? У меня аж волосы на голове зашевелились! Это, что там всё написано? – Мама... я... а, как... Это наверное не моё письмо! – Как же не твоё? Вот и приписка на конверте «Родителям Андрея Соловьёва». – Что вы меня пугаете? Я и на тракторе-то ездить не умею! Я же маленький ещё!

Что-то происходило, только я не мог понять – что? Неужели мне письмо поменяли? Да, что за шутки, в конце-концов! Мама отвернулась, закрыв письмом глаза, и уткнулась в папу. Плечи её вздрагивали. Папа смотрел серьёзно. – Конеч-

но, мама пошутила. Там нет ни трактора, ни поезда, но ты представляешь, сынок, что мы передумали, когда ты из школы не пришёл? Ты учишься максимум до обеда, а сейчас сумерки. Что нам думать? Где ты бегаешь, чем занимаешься? В дальнее плавание ушёл? Может тебя где-нибудь возле кладбища уже искать надо?

Вот ведь – «засада» какая! Ну, скажите, что в таких случаях делать? Правду говорить? Так ведь они её уже всю сказали, за исключением некоторых моментов. Повисла пауза. Мама больше не утыкалась в папу. По её щекам текли слёзы. Стало стыдно. Тогда я решил сказать правду, только всю, чтобы не было недомолвок. Как говорится, чтобы мышь не проскочила. Всё-таки, с тактикой у меня слабовато или со стратегией. Ладно, попробуем напролом. – Что вы спрашиваете, если сами всё знаете? После школы мы с ребятами пошли искать следы динозавра в овраге за магазином. А по берегу ползать – не видно, да и грязно очень, там ведь берега глинистые, а посередине – озеро от дождя. – Я говорил, глядя прямо в расширяющиеся мамины глаза. Понимал, конечно, что несу что-то не то, но не врать же – тактика. – А потом мы сделали корабль из поддонов, чтобы плыть и из озера исследовать и пришли «гагары» нас грязью обстреливать. Вот мы и перепачкались немножко. Пришлось сушиться на стройке возле кладбища и всё. А ни какой трактор я не угонял и поезд не переворачивал. Мама охнула, прикрыла глаза руками опять, попыталась уткнуться в папу, но,

наверное, промахнулась с размаху и убежала в прихожую. Вот, что я наделал! Расстроил мать. Теперь мой отец должен выпороть сына, как «сидорову козу» – я в кино видел. У нас даже книга такая есть: «Преступление и наказание» называется, у папы на полке стоит. Там такой худющий человек нарисован в длинном пиджаке с очень печальными глазами – Достоевский. Сразу видно пороли много этого Достоевского, так, что он даже книжку написал в назидание потомкам. Поэтому я сразу сходил в папамамину комнату, и принёс папин офицерский ремень. Очень хороший – кожаный. Папа его со службы привёз, такой широкий и пряжка со звездой. Папа очень удивился. – Это ещё зачем? – Затем, чтобы мама повеселела. Преступление есть и наказание – должно быть. Папа почесал нос: «Ладно, на сегодня ограничимся «строгим выговором». Как «выговором»? Пронесло, скажете? Как бы ни так! Мама вон, как распереживалась – со слезами! Это папа недоработал. Но ничего! Я завтра тактику поменяю, или стратегию не знаю как, короче – проявлю сознательность и на совершаю поступков, чтобы они знали, что я не какой-нибудь там «бесчувственный сын». А папе я так и сказал: – Ты папа очень мягко меня наказываешь. Но я понимаю, что так делать нельзя. Вот если бы я предупредил, тогда другое дело. Я больше так не буду. – Не будешь? – Нет. – Тогда води маму – есть хочется. И я пошёл за мамой. А она уже повеселела и гладила бельё перед телевизором. Я маме ничего говорить не стал, просто обнял её, а она меня

по голове погладила, и я сразу понял, что мама не ругается. Потом мы ужинали, и я учебники показывал. На следующее утро, только рассвело, как я уже был на ногах. Сначала сделал зарядку, потом умылся. Посмотрел на будильник – полпятого утра. Родители ни когда так рано не встают. Ничего! День длиннее будет – много можно поступков на совершать! Это – стратегия называется – совершать правильные и добрые поступки. Надо только дверь на кухню затворить, чайку попить и хорошенько всё обдумать. Чай готовить не сложно. Просто чайник наливаешь из под крана и на печку ставишь. Потом заварки в «заварнике» заварить и с сахарком можно, а можно с вареньем. Бутербродик тоже не плохо, только я хлеб не ровно режу, но если постараться – получится. Сыр где-то у нас в холодильнике лежал. Вот и завтрак. Только чего уж – себе? Надо и другим, чтобы польза и поступок! Стратегия и тактика – главное!

Налил чайник побольше, на печку поставил. Печка у нас электрическая, «Лысьва» называется. Что такое «Лысьва» я не знаю, но это и не важно, главное конфорки не перепутать. Над ручками раньше были точки нарисованы – где какая, только постиралось всё. Я на всякий случай их все на «троечку» повернул – какая-нибудь да разогреется. Чайник поставил на самую большую, чтобы быстрее. Хлеб из хлебницы достал, на досточку водрузил. Стал кусочки нарезать, а они, как по закону подлости не ровно режутся, но ничего, несколько довольно ровных кусков получилось.

Сыра в холодильнике не отыскал, зато масло есть. Стал его мазать, а оно не мажется – крошится и всё. Замёрзло очень. Я сначала растерялся, а потом представил себя разведчиком и порядок, сразу решение придумал: надо нож разогреть. Вот же и чайник стоит, в нём вода уже дымиться начинает. Если ножик в водичке горячей подержать он согреется и получится масло намазывать. Очень хороший способ! Так я быстренько весь хлеб вымазал и на тарелочку разложил. Теперь заварку надо свеженькую заварить. Стал у мамы по шкафчикам пачку искать, ну, такую, знаете «чай №36 грузинский». Все полки перерыл – нет его. Может она его в печку засунула или ещё куда. Всю кухню перерыл! Нашёл, даже не представляете где – с папиным табаком в пакете. Мама папины папиросы и сигареты всегда в пакет кладёт, чтобы не воняли. Хотя, по-моему, они и не воняют вообще. Как раз три пачечки в пакете, серенькой бумажкой обернуты и по ней такими, непонятными буквами написано вокруг гор нарисованных, а по краю надпись: «грузинский»? Вот ещё, взяли моду в папиросы чай совать. Насыпал побольше, чтобы чай крепче был. Тут и чайник закипел – хорошая у нас печка – быстрая! Налил в «заварник», понюхал. Чаем не пахнет, но всё равно запах какой-то осенний, что ли или сливовый – не понять? Нравится. Ладно, пусть настоится хорошенько. Тут слышу в родительской комнате шорохи – проснулись, значит. Сейчас на кухню придут! А вот будет хорошо, если они придут, а завтрак сам собой пригото-

ленный. Надо в кровать лечь и как будто я сплю. Только чайник очень горячий – кипяток. Мама и папа такой не любят. Может льду бросить из морозилки? Полез в холодильник, а там банка какая-то стоит, как раз с прозрачной и чистенькой водичкой. Полиэтиленом накрыта и изолентой завернута. Я быстренько эту изоленту отвязал, из чайника воды отлил немного, чтобы как раз литр поместился и всю баночку туда вылил. Из под крана снова в банку водички под самый верх бухнул, обратно завязал, чтобы – как и было. Всё! Готово. На цыпочках в комнату убежал и под одеяло шмыгнул, как будто сплю. Слышу, мама в ванную прошла, воду включила, значит, папа скоро пойдёт, а завтрак-то готов! Ждал, ждал, даже задремал немного. Чувствую, меня папа за плечо трясёт. – Спишь, сынок? Просыпайся, завтракать пора. Я же в одежде лёг, поэтому через секундочку уже на ногах был. Выхожу на кухню. Мама на меня так серьёзно смотрит. – Это ты нам завтрак приготовил?

Конечно, тут можно было нескромно сказать, мол – я, кушайте на здоровье, но это тактика не правильная. Пусть сами до всего догадаются. – Нет, мама, я же спал. – Спал, факт подтверждаю! – Папа понюхал «заварник» – запах то какой!

Запах точно был, только не как всегда – чаем, а, даже не скажу чем – непонятно. Да уж что там, надо чай пить, бутерброды-то вот они – на столе. Но родители бутерброды есть не стали и чай не стали пить и вообще вышел сплошной кавардак. Потому, что я оказывается, хлеб столовым жи-

ром намазал, а в чайнике этот жир стопился немножко от ножа и теперь плавал там, как в супе. А вместо заварки я папин табак заварил. Ему друг из Грузии привёз, сослуживец по армии ещё. Он вечером в гости к нам прийти собирался. По этому поводу папа тоже сокрушаться решил. – Ты зачем в чайник «шило» вылил?

Как – шило? Это, товарищи – клевета! Что я совсем дурачок? Он бы ещё сказал, что я туда паяльник положил. Хотел только возмутиться, как оказалось он «шилом» спирт называет. Папа его специально для друга принёс и в баночке в холодильнике поставил. – Ты же видел – изолентой перемотано. – Я думал это просто водичка холодная. Вы просыпаться начали и я кипятик остудил. Но неожиданно меня поддержала мама. – Не кричи на ребёнка! Он нам завтрак приготовил. Зато меньше курить будешь и не напьёшься с другом своим. Папа махнул рукой и пошёл на балкон. Я понял – неправильную я стратегию выбрал или тактику. Я же говорю, всегда в этих понятиях путаюсь. Надо что-то менять, только что? Понятно – повара из меня не получится. Я уже не в первый раз впросак попадаю. Но я же и не в повара готовлюсь, а в разведчики.

Глава 4. Мировая скорбь

Каникулы шли уже два дня, а я ни разу не погулял даже. Не скажу, что слишком скучал. Дома всегда найдётся чем занять себя. Во-первых, я разобрал родительскую кровать. Не совсем, конечно. Просто она какая-то слишком мягкая, я полез посмотреть и выяснил, что там целых три пружинных матраца! Это же здорово! Если эти матрацы друг на друга положить – можно до самых небес подпрыгнуть! Сначала я так попрыгал, потихонечку, потом на полу разложил и потренировался кувырки делать – туда и обратно. А потом мне совсем «козырная» мысль в голову пришла – это по разведчески – вдруг мне придётся с парашютом прыгать или из поезда, как в фильме «Транссибирский экспресс», надо такие прыжки отрабатывать, чтобы с падением. Поискал с чего бы мне повыше упасть: со стула – не высоко, если стул на стол поставить – можно, конечно, но тогда матрацы надо на кухню тащить, а там места мало, ещё умывальник сверну. Ходил, ходил и тут – прямо осенило – шкаф же есть! Тут в родительской комнате! Он до потолка не достаёт, и папа туда мой маленький матрасик кладёт и спальники для похода. Очень хорошее место, если дверцу шкафа открыть и стулом припереть немного, можно по полочкам с бельём прямо на самый верх забраться. Так и сделал. Спальники и матрасик вниз скинул, ничего, потом обратно зашвырну. Залез –

то, что надо! И высота подходящая. Скакнул – ух! Здорово! Ещё прокатился, как в полёте по насыпи, как будто поезд едет. Потом сообразил матрасик и спальники растянуть и по краям подушки для страховки выложил – красота! Но, что за радость одному тренироваться – скука смертная. Походил немножко, подушки ногой попинал. Скучно, прямо – мировая скорбь. И ключа от дома нет – родители гулять запретили. Надо к Ржавому сходить, вдруг он дома.

Я уже говорил, что Ромка на одной площадке со мной жил. Стучу к нему, он, как раз и выскакивает.

– О, Андрюха, у тебя баночки нет?

– Как нет – есть! У нас всяких банок полно.

– Слушай, будь другом, дай одну. Мне в пришкольный лагерь путёвку достали, а там анализы надо сдавать. Я в поликлинику ходил за направлением – вот, кровь и моча.

– Так это тебе надо – маленькую такую, из под детского пюре. У нас таких нет.

– Всё равно, давай посмотрим. Наши банки мой батя на дачу все увёз, для варенья – осенью закручивать.

Это точно. У Ромки всегда варенья завались! У них дача недалеко автобусная остановка «Сады». Я как-то раз ездил – не понравилось. Меня в автобусах укачивает, прямо спасу нет, а тут не автобус, а сарай раздолбанный, того и гляди в дороге развалится и бензином весь пропах. Так, что я весь оставшийся день, когда надо было природой дачной наслаждаться, этот бензин из себя выдыхал. Хорошо, что обратно

дядя Володя нас на мотоцикле вёз. Тоже укачало, но хоть бензина не нанюхался. Ржавый кипел энтузиазмом.

– Так посмотришь?

– Ну, идём.

Залезли мы в кладовку, а там только двухлитровые и трёх. Стали вынимать по очереди, тут Ржавый её и увидел – литровую баночку, это которая со спиртом была. Говорит – годится!

– А сколько туда мочи надо?

– Не знаю, для анализов, наверное, граммов пятьдесят или сто.

– Ладно, – говорю – бери, мне не жалко. Только они её не вернут.

– А я не за так, у меня сгущёнка есть. Вчера дедушка целый ящик привёз – вот!

Ух! Надо же – повезло! У мамы послезавтра день рождения! Вот я ей эту баночку и заверну, ещё бантик какой-нибудь и открытку! Это Ржавый – в самый раз угодил! Ну, давай, коли так – тем более.

Он «литрушку» схватил и к себе побежал, просто ветер, какой-то. Я помялся немного. А как же с поезда прыгать? Иду опять к нему. Дверь у него открыта, зашёл. Слышу – крихтит в туалете, мочу в банку набирает. Сел в прихожей, на тумбочку, жду. Он покряхтел ещё немного, вышел, красный весь, а в баночке три капли на дне.

– Эх ты, – говорю – богатырь земли русской. Им всего-то

надо чуть-чуть.

– Просто я проснулся поздно и сразу в туалет сходил, а уж потом на кухню, а там записка от мамы и путёвка лежит. Я ещё перед поликлиникой сходил.

– Да и плюнь, завтра занесёшь. Перед сном чаю бухнешь, знаешь, как с утра писать захочется – первый сорт!

– Да знаю я, только мне сегодня до обеда нужно. Завтра уже в лагерь. Слушай, а может ты попробуешь? Им какая разница, а мне – лишь бы справку получить.

Подумал я – действительно, какая разница: ну был один мальчик, будет – другой, на моче же не написано – чья она.

– Ладно, – говорю: давай, что для друга не сделаешь.

Тут Ромка посерьёзней как-то. «Ты, говорит, ни чем не болеешь? Вот, тоже мне, врач нашёлся! „Давай, – говорю – я такой здоровый человек, даже простудиться, как следует, не могу, чтобы с температурой денька три поваляться. Все дети, как дети, только разок без шарфика во двор зимой вышел и готово, можно в школу не ходить, а я раз, так даже в мокрой простыне на балконе стоял, хоть бы хны – капнуло разок из носа и всё. Так, что, давай, сейчас я тебе анализов полную банку наваляю“. Ну, конечно, это я так сказал, что я не понимаю, что не пить её там будут. Сходил в туалет, в баночку пописал немного, остальное в раковину. Немного банку и руку намочил, но это смывается. Выхожу: «Бери, аккурат – тебе хватит». Ржавый обрадовался, в руки мне сгущёнку сунул: «Сейчас, говорит, только в поликлинику смотаюсь,

а то давай вместе». Но это я не мог. Запрет из-за динозаврового похода.

– Не, я тебя дома подожду, а ты давай приходи скорее на тренировочную базу ко мне.

– Какую базу?

– Такую, матрасную. Будем прыжки отрабатывать из поезда.

– Замётано! – и Ромка убежал, а я пошёл к себе. Скакнул пару раз для проверки навыка. Нет – одному не то. Надо ждать. Скучно. Вышел на балкон, а там ребята по площадке гравий рассыпают, кто ногами гребёт, кто дощечками. Заметили меня, машут, чтобы выходил. А я им, что с балкона на весь двор орать буду? Показал жестами, что не могу, мол. Не понимают. «Выходи», – кричат – ну их. Если не положено, что тут не понять? Я как узник в тюрьме. Тут мне ещё одна идея в голову пришла. На кораблях-то ведь такие специальные матросы друг другу флажками семафор показывают и всё понимают. Надо бы такую специальную грамоту изобрести или лучше – шифр! Да это же здорово! Можно записки писать и ни кто не догадается. А ну-ка, где тут у нас альбом с карандашиками?

Взял альбомчик, я как раз его не до конца ещё зарисовал на уроках рисования. А что? Первого сентября – новый покупать, так что теперь чистеньким листикам пропадать что-ли? Вытащил азбуку мою старую, такую – на одном листе, мама покупала, когда я в садике ещё был, чтобы читать учить-

ся. Вообще-то я алфавит и так знаю, но это для наглядности, чтоб не сбиться. Придёт Ржавый из поликлиники, а у него в дверях записка на непонятном языке. Вот потеха!

Так, что у нас в запасе? – крестики и нолики – раз; вообще комбинации из палочек; ещё можно всякие закорючки, а на тире и точки тратиться не стоит. Они и так не понятно как стоят в предложении, ещё запутаюсь. Тут главное – система! Например, гласные их пять можно – «А», например. Когда человек: А! – кричит? Правильно, когда ногу ушибёт. Мы летом с пацанами мячик песком насыпали на пляже. Пройдёт мимо какой-нибудь красавец с девушкой, весь напыщенный, как павлин. Ему: «Дядь, пни мячик». Он разгонится, чтобы ещё подальше его в море запнуть – пацанам в науку, перед девушкой пофорсить. Вот тут тебе и: «А»!!! Значит рисуем ноги и кружочек «оЛ» – получается. Так, теперь буква «О» – это как одобрителный жест с оттопыренным пальцем. На мягкий знак похоже: «Ъ». Дальше дело пошло, как по маслу. Я всю азбуку заново переписал. Еле успел два слова зашифровать: «Фол*ЪТ <ЗЪ U-?» Ещё череп и кости пририсовал, чтобы интрига была. Слышу, Ржавый пыхтит. Я ему записку в дверь сунул, сию, жду, что будет. Звонок, открываю – он.

– Пусти, в туалет охота! – Вот комик! Тут сто граммов полчасу назад выдавить не мог, а тут – в туалет, аж дверь свою открыть ленится.

– Ты вроде бы не мог!

– Это я раньше не мог, а по дороге так пить захотелось. Там колонку, возле забора подчинили. Пацаны уже кто голову намочил, кто – ноги, а я попил посильнее, чтобы впрок. До поликлиники добежал, даже не почувствовал, а обратно – припёрло. Я ещё дверь захлопнул. Ключ – дома остался. Придётся родителей ждать.

Я обрадовался – вот, можно теперь до вечера веселиться – мировую скорбь изгонять.

– Ладно, пойдём, я тебе свой тренировочный лагерь покажу.

Привёл его в комнату родителей. Ромка сразу заценил.

– Ох, вещь! Пружинит? А ну-ка!

В общем, натренировались мы вволю. Потом я ему шифр показал. Ржавый сразу всё понял и стал себе перерисовывать, чтобы тоже загадочные письма шифровать. Пока он перерисовывал – я планы строил.

– Представляешь, мы что-нибудь напишем и везде записки эти подкидывать начнём. Вот народ-то и перепугается. А мы ещё страху нагоним, навроде как – иностранные шпионы завелись. А сами-то всё знаем!

– Не, лучше этот шифр всем пацанам раздать, чтобы все писали друг-другу, а ни кто не знал.

– Зачем всем? Трём, четырём и хватит. Что за интерес, когда все знают?

– Нет всем!

– Нет не всем! Шифр я придумал, значит – мне и решать:

кому знать, а кому не положено – чуть не поссорились из-за этого шифра. Хорошо ещё я сообразил – если с Ржавым разругаться он на улицу пойдёт. Про шифр, конечно, не расстреплет – он не из таких, но мне-то опять в мировой скорби погибать. Тогда я решил «сменить пластинку».

– Ладно, с шифром потом решим. Пойдём лучше с балкона «бомбочки» покидаем.

«Бомбочки» я недавно делать научился из квадратного листа бумаги. Главное – квадрат отмерить и чтобы бумага подходящая была. Бумага есть – тетрадки старые. Конечно, и с отметками попадают, но кому они сейчас нужны, учебный год то закончился. А квадрат – не проблема. Там только уголок надо загнуть на полный лист, сразу видно, какую часть отрезать, чтобы квадрат получился. Меня папа научил. Я всё Ржавому показал. Минут через пятнадцать мы уже «бомбочки» лепили – будь здоров! Потом их на кухне из кра-на водичкой налили и на балкон вышли. Смотрим, куда бы зашвырнуть?

– Вон, – говорю – видишь, коляска у подъезда стоит?

– Ну?

– Это мужика одного. Он сторожем на складе работает. Нас всё время от подвалов гоняет. Я его давно не люблю, а в коляске он вместо детей всякие железяки мусорные возит. Давай ему туда зашвырнём!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.